КОМПАРАТИВНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И СОСТОЯНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ ЯПОНИИ, ГЕРМАНИИ, КИТАЯ И РОССИИ (СССР) К СЕРЕДИНЕ XX В.

© Сухарев А.В.
Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии,
Институт психологии РАН, Москва, Россия
zavor753@mail.ru

Исследование показало, что высокая степень синтеза в ментальности коллективного субъекта этноинтегрирующих компонентов архаики, надэтнически-религиозных и естественно-научных представлений модерна может обусловливать его развитие по широкому спектру психологических и непсихологических показателей (Китай с середины XX в.). И напротив, искажения этнофункционального развития по показателям искусственного подавления, трансформации или искусственной пропаганды его компонентов (особенно архаических и надэтнически-религиозных) может приводить к таким проявлениям как агрессивность, шовинизм и т.п. (Германия и Япония в середине XX в.). В свою очередь, подавление энергизирующего архаического компонента ментальности коллективного субъекта может обусловливать существенный спад социально-экономического развития, кризис госуправления и др. (Россия во второй половине в XX в.).

Ключевые слова: ментальность коллективного субъекта, архаика, премодерн, модерн.

Введение

Сравнение ментальности коллективных субъектов стран, представленных в заглавии, обусловлен их непосредственным и широкомасштабным участием во Второй мировой войне. Хорошо известно начало войны Германии со странами Европы и СССР — 11 сентября 1939 г., также хорошо известны потери стран-участников войны. Значительно менее известно, что Японией начала войну с Китаем война с началась 7 июля 1937 г. Согласно китайским источникам, потери Китая во Второй мировой войне, включая гражданское население, оцениваются в 35 млн. человек[1] самые значительные потери в абсолютных цифрах среди всех стран. Насколько нам известно, проблема психологических причин столь различного поведения субъектов стран-участниц войны пока не ставилась. Историками и политологами отмечалось лишь то, что в Германии, Италии и Японии в середине XX в. был очень распространен национализм и поддерживаемое правительствами этих стран стремление к мощи, величию и контролю над другими народами (Какие факторы…, 2025).

Проблему настоящего исследования мы видим в необходимости разработать подход и общую методологию исследования для выявления психологических условий и причин поведения коллективных субъектов стран-участников войны: в частности, с одной стороны агрессивного государственного шовинизма японского и германского коллективных субъектов, а с другой — патриотизма и поведения в целом коллективных субъектов СССР и Китая.

Теория и методология исследования

Для целей психологического анализа в настоящей статье мы использовали авторскую философско-антропологическую концепцию этнофункционального синтеза хаоса и космоса, опирающуюся, в частности, на представления об этнической функции образных компонентов ментальности субъекта и на представления об их хаотизирующей и космизирующей функции (Сухарев, 2024а, 2024б). На основании принципа единства микро- и макрокосма и принципа развития в концепции используется аналогия понимания развития ментальности индивидуального и коллективного субъектов от архаических представлений к надэтнически-религиозным и, далее к представлениям модерна; также теоретически допустима

[1] Западные источники приводят цифру 17-22 млн. человек (Японо-китайская война...).

Компаративный психологический анализ развития и состояния ментальности Японии,Германии, Китая и России (СССР) к середине XX в. // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №1(14). С.25-36.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_04

аналогия в интерпретации результатов исследования на индивидуальном и коллективном уровне (там же). Данная трансдисциплинарная концепция была в значительной степени верифицирована[2] на индивидуальном уровне (в области психологии личности, педагогики, медицины, демографии и др.) (Сухарев, 2008) и на коллективном (в области социальной и исторической психологии, медицинской статистики, социально-экономической и др.) (Сухарев, 2017; 2024а).

Методы исследования

В настоящей статье мы использовали гуманитарный и естественно-научный (эмпирические измерения) методы анализа. В целом гуманитарная методология опирается на исторический и сравнительный методы анализа, а также на методы индуктивного[3] и дедуктивного доказательства гипотез (Кареев, 2017, с. 327, 330). Гуманитарный метод использовался нами для сравнительного психологического анализа развития ментальности коллективных субъектов Германии, Китая, России и Японии. В интерпретации результатов гуманитарного анализа мы исходили из того, что искажения последовательности[4] хаотизирующего (архаика[5]) и космизирующего (премодерн[6], модерн[7]) содержания ступеней развития ментальности и их этнической функции могут обусловливать те или иные дезадаптивные характеристики поведения коллективного субъекта. Выделяются степени этнофункционального синтеза хаоса и космоса, связанные с уровнем психологической зрелости[8] субъекта (Сухарев, 2024а, с. 114-123, с. 167-172). Метод эмпирического измерения использовался нами для сравнения количества интернет-запросов по темам «Природа» (архаика), «Бог» (премодерн), «Знание» (модерн) в исследуемых странах с помощью веб инструмента GoogleTrends достаточно широко применяющегося в социогуманитарных исследованиях (Соколов, 2018).

Развитие ментальности японского коллективного субъекта

В исследованиях, посвященных развитию японской ментальности, так или иначе в качестве одного из центральных компонентов рассматривается проблема национальной религии синто, духов ками и синтез данных представлений с буддизмом и конфуцианством (Багаева, 2004; Вернисоцкая, 2002). В архаике синто не только все природные явления и стихии, но и практически все предметы (представления) окружающего мира наделялись и наделяются субъектностью, т.е. присущим им духом — «ками». С глубокой древности «Ками (божественные духи) обитали в горах, реках, источниках, растениях, животных. … Верховное божество синто Аматэрасу-о-миками… ведет своё происхождение от духа Солнца — Аматэрумитама, которому поклонялись повсюду на территории Японии» (Светлов, 1991, с. 189-190).

В VI в. на японских островах появился привнесенный из Кореи буддизм, признанный правительством Японии в начале VII в., с VIII в., который стал государственной религией, однако традиционный синтоизм отнюдь не был вытеснен, что позволяло говорить о синто-буддийском синкретизме (Багаева, 2004). Известный историк японской

[2] Верификация — понятие, употребляемое в эпистемологии, логике и методологии науки для обозначения процесса установления истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки.

[3] Неполная индукция — это метод доказательства, чаще всего используемый в гуманитарных исследованиях. Он состоит в том, что для ряда явлений определенного класса на основе повторяемости какого-либо их признака делается вывод о наличии его у всех явлений данного класса. Полная индукция — это такой метод доказательства, когда утверждение доказывается исходя из конечного числа всех возможных частных случаев.

[4] Наше понимание оптимальной последовательности развития субъекта основано на культурологическом представлении о развитии ментальности общества от архаики к надэтнически-религиозному и, далее, к естественно-научным представлениям эпохи модерна (Сухарев, 2024а, с. 153-167).

[5] Для ментальности архаики характерен приоритет природы, магического мышления и родовых отношений (Леви-Брюль, 2022).

[6] В нашем понимании для ментальности «премодерна» характерен приоритет надэтнически-религиозных представлений мировых религий.

[7] Для эпохи модерна характерен приоритет естественно-научных представлений.

[8] По аналогии с представлением об уровне психологической зрелости индивидуального субъекта в настоящей работе мы рассматриваем для коллективного субъекта такие показатели как способность принимать творческие государственные решения, ориентацию на нравственные нормы, социально-ориентированную внутреннюю политику и пр. (Феномен и категория зрелости…, 2007)

[9] В конфуцианстве утверждался приоритет морали во взаимоотношениях правителей и подданных, при том, что моральный авторитет правителя помогал влиять на подданных. Конфуций полагал, что управление подчиненными посредством лишь предписаний и наказаний лишь заставляет их уклоняться исполнения законов, а ведомые добродетелью они смогут сами исправляться из-за испытываемого стыда. Не будучи религией, конфуцианство успешно выполняло ее функцию в обществе.

Comparative psychological analysis of the development and state of mentality in Japan, Germany, China and Russia (USSR) by the middle of the 20th century. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No1(14), Pp.25-36. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_04

религии Джозеф Китогава отмечал, что «… традиция, сформировавшаяся в результате слияния буддизма с примитивным шаманизмом и магией, была источником творческого импульса в период Хэйан (VIII-XII вв.), а также на протяжении дальнейшей истории Японии» (Китогава, 2005, с. 69).

Вместе с тем, культурный расцвет в Японии VIII в. (в период Хэйан VIII-XII вв.) осуществлялся именно под влиянием буддизма, в частности, в процессе формирования синтоистского и буддийского духовенства как привилегированного богатого и господствующего наряду с придворной аристократией класса (Китогава, 2005, с. 48, 69).

Вклад «чужеземных влияний» в японскую ментальность состоял в том, что «буддизм обеспечил метафизическую основу для вдохновленного синтоизмом своеобразия японской жизни, тогда как конфуцианство тоже внесло свой вклад, снабдив ее этическими принципами» (Китогава, 2005, с. 141-142). Идеология божественного происхождения императора является следствием синтоистского положения о «правомерной преемственности божественных владык», связанной с представлением об уникальности Японии как божественной нации. В XII-XIV вв. недолгий период «императорского правления» способствовал освобождению синто от буддийского влияния и началу разработки собственно синтоистских доктрин (Китогава, 2005, с. 142-143).

Попытки монгольского завоевания ханом Хубилаем в конце XIII в. в составе монголо-корейского (1274 г.) и монголо-корейско-китайского (1281 г.) флотов обусловила пробуждение у населения Японии чувства национального самосознания. Закончился многовековой период безоглядного очарования развитой китайской культурой и среди аристократов (Китогава, 2005, с. 131).

В 1603 г. в Японии был основан сёгунат (самурайское военное правительство), возглавляемый сёгунами из рода Токугава и просуществовавший вплоть до 1868 г. Именно в этот период была осуществлена «беспрецедентная экспансия буддистских институтов в японское общество» (Ставропольский, 2016).

В 1614 г. как реакция на угрозу европейского вмешательства было запрещено христианство. Под влиянием все нарастающих мотивов сохранения национального своеобразия началась политика самоизоляции Японии («сакоку», с 1641 по 1853 гг.).

Вместе с тем необходимость овладения европейскими технологиями, прежде всего военными, ощущалась правящей японской аристократией уже с первых контактов с европейцами в начале XVI в. Вследствие роста интереса к торгово-экономическому взаимодействию с Японией ее открытие иностранной торговле было обеспечено в 1853 г. действиями правительства США, которое принудило к "открытию" сёгунат Токугава, в том числе для Британии, России и Франции.

Подписание неравноправных договоров с европейскими державами, смерть сёгуна, эпидемии и экономический кризис привели Японию к гражданской войне 1868-1869 гг. В этой войне сторонники модернизации, столь желанной для правящей аристократии, победили сторонников сёгуната. При том, что результат этой войны выглядел как реставрация императорской власти (так называемая «реставрация Мэйдзи»). В культе синто императорская власть является божественной и дарованной верховной богиней Аматэрасу. Внутреннее содержание данного переворота заключалось в успешной попытке модернизации японской ментальности.

В течение всей эпохи Мэйдзи (1868-1912 гг.) Япония стремительно модернизировалась. Правительство Мэйдзи надеялось перенять западные технологии, но в то же время внутренне сохранить верность древним устоям (Китогава, 2005, с. 275). Более того, император более не считался носителем императорского титула — в эпоху Мэйдзи он был наделен атрибутом «живого ками», чего не могли достичь даже монархи древней Японии. А в 1870 г. правительство опубликовало прокламацию Великой Доктрины, целью которой было восстановление в качестве руководящей национальной идеологии «пути ками» (Китогава, 2005, с. 274).

Для возвращения к исконной национальной вере синто в процессе реформ правительство Мэйдзи предприняло меры по отделению его от мировой религии — буддизма. В связи с этим всех буддийских священников в святилищах синто, не пожелавших стать синтоистскими жрецами, возвращали к светской жизни. Это объяснялось тем, что «тысячелетний симбиоз этих религий противоречит исконному японскому пути», а доктрины государственного синто формулировало государство (Китогава, 2005, с. 275, 392).

В современных исследованиях отмечается, что японская культура принадлежит к «смертецентричным», в идеологии синто смерть за императора

[10] В обоих случаях попыток вторжения повторившаяся история с тайфуном («камикадзе» — яп., божественный ветер) уничтожила большую часть флота завоевателей. В Японии существует мнение, что боги Японии без боя остановили монголов и защитили её от врага.

Компаративный психологический анализ развития и состояния ментальности Японии,Германии, Китая и России (СССР) к середине XX в. // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №1(14). С.25-36.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_04

является сакральным актом. При этом «культ героической смерти считался неотъемлемой частью войны». Однако «ни в нацистской Германии, ни в Советском Союзе он не достигал такой интенсивности, как в Японии». Вместе с тем, автор замечает, что «смертецентричность» японцев стала им особенно присуща именно в период модернизации эпохи Мэйдзи, и до начала модернизации отношение к смерти было весьма сбалансированным» (Мещеряков, 2013, с. 173-174).

Помимо положительных сторон эпохи Мэйдзи для развития Японии (Молодяков, 2014, с. 164) как несомненных результатов модернизации Японии в военной, социальной, экономической и политической сферах, на наш взгляд имелись также и негативные психологические последствия.

Вследствие обретенного в эпоху Мэйдзи представления о божественности личности императора возник шовинистический культ религиозной, государственной, политической и др. исключительности Японии, включающий представление о героической смерти за императора как пути обретения качества божественного ками. С другой стороны, искажение развития японской ментальности на надэтнически-религиозной ступени произошло в конце XIX — начале XX вв. в форме искусственного обесценивания буддизма как «этнически чуждой» мировой религии, пришедшей из Китая.

Мы полагаем, что данные искажения развития японской ментальности обусловили к началу XX в. недостаточный уровень психологической зрелости данного коллективного субъекта, а мобилизационное обретение таким субъектом научно-технологических достижений эпохи модерна позволяло японскому правительству ставить агрессивные и неадекватные для развития мировых внешнеполитических отношений стратегические и тактические цели.

Развитие и структура ментальности Германии XIX-XX вв.

Ранее нами было установлено, что в немецкой ментальности конца XIX — начала XX вв., по сравнению с ментальностью Великобритании и Франции, имела место наиболее высокая степень синтеза этноинтегрирующих компонентов архаики, премодерна (надэтнически-религиозного — христианского) и модерна (Сухарев, 2020, ч. 1, 2).

Обращает на себя внимание содержание компонента архаики, устойчиво сформировавшегося в немецкой ментальности вследствие ее трансформации в эпоху романтизма уже к середине XIX в. Отношение к природе в ментальности немецкого романтизма можно охарактеризовать словами известного филолога и литературоведа европейского масштаба В.М. Жирмунского: «И камни, и деревья, и травы, и дальше горы, и реки кажутся одушевленными и живыми,— как будто теплое дыхание, слышное во всем Мире, проникает и в человеческую душу. Такое живое, положительное чувство присутствия бесконечного, божеского во всем конечном я называю мистическим чувством… Немецкие романтики, выступившие, как непосредственные ученики Гёте, получили от него поэтическое чувство природы» (Жирмунский, 1914, с. 7, 12; Храповицкая, 2008). Немецкий романтизм воспел именно немецкую природу, этноинтегрирующие представления о её живой душе.

Для настоящего исследования существенна специфика трансформации немецкой архаики в XX в., в частности, в представлениях идеологии национал-социализма. Обычно в работах по идеологии Третьего рейха выделяют определенные мифологические компоненты, такие как «арийский миф», «расовый миф», «миф национальной религии» и др. Особое значение в идеологии Третьего рейха играла германо-скандинавская мифология (Морозова, 2011). В соответствии с концепцией развития мифа А.Ф. Лосева возрождение темы земли, природных стихий, явлений и волшебных представлений народных сказок в эпоху немецкого романтизма могло послужить органичным основанием для дальнейшего развития и акцентирования фольклорной героической темы в нацистской мифологии.

Что касается надэтнических религиозных представлений, то Германия была обращена в христианство в XIII в. и с тех пор христианство глубоко укоренилось в объединенной Германии, несмотря на последствия конфессионального раскола на протестантов и католиков в эпоху Реформации (с 1517 г.).

С XVIII в. в различных сферах культуры стали проявляться идеи Просвещения, а немецкий язык

[11] Буддизм в качестве мировой религии обеспечивает ментальный инструментарий для мирного взаимодействия индивидов и народов независимо от их этнической, политической и т.п. принадлежности.

[12] Архаический компонент ментальности в данном случае характеризуется преобладанием в письменных источниках природных и природно-анимистических представлений.

[13] А.Ф. Лосев выделяет в развитии мифа следующие стадии развития: фетишизм (поклонение природным стихиям и явлениям), анимизм (одухотворение природных стихий и явлений) и героизм (культ героя, противостоящего хтоническим существам) (Лосев, 1957).

Comparative psychological analysis of the development and state of mentality in Japan, Germany, China and Russia (USSR) by the middle of the 20th century. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No1(14), Pp.25-36. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_04

становится и языком науки. В системе образования Германии было выявлено наиболее сбалансированное соотношение естественно-научного, античного и религиозного компонентов, а к концу XIX в. на волне немецкого романтизма была поднята и этноинтегрирующая немецкая архаика, а вначале XX в. стала ведущей страной мира в области теоретической физики, химии и медицины по показателю количества нобелевских лауреатов (Сухарев, 2020 а, б).

Наибольшие искажения в эволюционном развитии немецкой ментальности произошли в период господства национал-социалистической идеологии (1933-1945 гг.). Конфессиональные отношения в Третьем Рейхе основывались на национал-социалистическом понимании христианства как «позитивного христианства» (Исаков, 2017). В частности, в п. 24. Программы НСДАП сказано: «Мы требуем свободы вероисповедания для всех религиозных конфессий в государстве, если они не угрожают его существованию и не противоречат моральным устоям германской расы» (Программа НСДАП…). Главный идеолог НСДАП Альфред Розенберг специально отмечал, что нравственность обусловлена расой, но не религией (Rosenberg, 1937).

Когда правительством был принят закон, предусматривающий принудительную стерилизацию определенных категорий граждан Германии, католическая церковь восприняла данный закон крайне негативно. В ответ по обвинениям в безнравственности и т.п. были арестованы тысячи священников, монахов и мирян, а католические юношеские объединения были включены в состав гитлерюгенда (Сидоров, 2023).

Национал-социалистическое руководство придавало большое значение включению героики германо-скандинавской мифологии (Вотана, Тора и др.) в обновленную немецкую идеологию. Розенберг предполагал, что уже через 10-15 лет после подавления протестантской и католической конфессий нордический германский культ будет введен как основная государственная идеология Германии (Мифология …, 2012; Морозова, 2011). Акцент на архетипическом представлении (*Archetypische Vorstellung*) Вотана появился в интересе к архаике и архетипам (*Archetype*) в целом (Одайник, 1996).

При том, что распространение неоязычества носило в те времена искусственный характер, ряд исследователей характеризовали актуализацию мифологических конструкций в жизни немецкой элиты и общества в целом как спонтанный процесс, в ходе которого правительством и народом были приняты идеологические и поведенческие формы, соответствующие в их представлениях древним мифам германцев (Морозова, 2011).

А. Клаус выделяет определенные аналогии в характере развития Японии и Германии к середине XX в.

- Как в Японии, так и в Германии этноинтегрирующая архаическая мифология (этап героизма по А.Ф. Лосеву) к середине XX в. ставилась в качестве идеала национального своеобразия.
- В связи с этим рациональное мышление, присущее античной философии (для Германии) и конфуцианству (для Японии), противопоставлялось магическому иррационализму (архаика).
- Нравственность в обеих странах понималась исключительно как этнически обусловленная.
- Роль важнейшего организующего фактора играла любовь к родной природе.
- Как чуждые отрицались мировые религии — буддизм в Японии и христианство в Германии; они замещались собственными, основанными на древней мифологии или модифицированными национальными религиями (Klaus, 1988).

В обеих странах к середине XX в. имело место искусственное акцентирование архаической героики как верности вождю (императору, фюреру). При этом ценность содержания буддизма в Японии — умалялась, а христианства в Германии — искажалась государственной пропагандой.

А. Клаус отмечает, что мифология как национальная связующая нить и в Японии, и в Германии, всегда была Химерой, погоня за которой окончилась в хаосе (Klaus, 1988).

Специфика развития китайской ментальности

В общих чертах данную специфику мы попытались выявить в работе, посвященной психологическим условиям возникновения «китайского экономического чуда» (Сухарев, 2018).

Отличительной особенностью ментальности Китая является устойчивый синкретизм его религий в их историческом развитии — даосизм (архаика), конфуцианство (премодерн) и буддизм (премодерн). Началу системы религиозного синкретизма положил конфуцианец Ван Тун (конец VI — начало VII вв.), которому принадлежит концепция единства трех учений, но конфуцианство все же преобладало в области этики (Лапина, 1985).

Это «изначально был единый комплекс переживаний и верований — прежде всего, народная вера в духов (шеньцзяо)» и др. (Маслов, 2006).

Компаративный психологический анализ развития и состояния ментальности Японии,Германии, Китая и России (СССР) к середине XX в. // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №1(14). С.25-36.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_04

Лекарей и знахарей, непосредственно общающихся с духами, всегда считали даосами. В свою очередь буддизм, пришедший из Индии на рубеже Новой эры, по сути, становится еще одним китайским учением. А среди образованных слоев общества вплоть до настоящего времени наиболее распространенным было и есть конфуцианство, ставшее основой культуры современной государственной власти и системы образования. При чем в истории Китая за исключением краткого периода «культурной революции» данные верования не преследовались, во всяком случае до радикальной степени (Лапина, 1985; Маслов, 2006).

Коллективный субъект китайской элиты оказался психологически сравнительно более готовым к органичному усвоению естественно-научных и социально-экономических представлений модерна. Психологическая зрелость (готовность) китайского коллективного субъекта — с позиций этнофункциональной теории и на основе результатов экспериментальных исследований на индивидуальном уровне, обеспечивалась именно сохранностью и распространенностью не только среди простого народа, но и в ментальности элиты природно-анимистических представлений, играющих, в частности, важнейшую роль в формировании креативного интеллекта (Сухарев, 2018; Сухарев, Тимохин и др., 2019).

Развитие и состояние русской ментальности к XX в.

Гуманитарный историко-психологический анализ, осуществленный в нашей монографии «Развитие русской ментальности», показал, что в отличие от структуры и содержания развития ментальности коллективного субъекта Германии, Японии и Китая, ментальность русского коллективного субъекта (России) характеризуется самым низким уровнем саморефлексии компонента архаики — природных и, особенно, природно-анимистических представлений.

Особенно это относится к русской элите, которая типически характеризовалась вытеснением из ее ментальности дохристианских природно-анимистических представлений. С XIV в. по примеру Византии в Древней Руси начались политические преследования прегрешений «против веры»: проявлений этноинтегрирующего «язычества» — волхвований, природной магии и пр.; государство сменило «увещевательные» методы борьбы на политическое преследование язычества (Гальковский, 2000). Вследствие скрепляемого митрополичьими и княжескими ярлыками своеобразного политического альянса княжеской власти и митрополитов при военно-политической поддержке ордынских ханов борьба духовенства с ментальными «языческими» представлениями была успешной; в первую очередь это касалось властных сословий — духовного и княжеско-дружинного.

В целом, как отмечает Г.М. Прохоров, «русский фольклор, вплоть до Нового, если не до Новейшего времени, так и не был допущен народом в материалы письма…, в то время как в Скандинавии процесс записи песен скальдов и саг достиг своего апогея (в XIII в.— А.С.)». После XIII в. «ушла из жизни значительная часть языческих традиций, имевших наибольшее отражение в письменной литературе … Остаткам языческой культуры на Руси золотоордынское иго причинило, кажется, более серьезный урон, чем церковной вере» (Прохоров, 2010, с. 130-131).

Также вследствие настороженного отношения церковных властей и ордынских ханов к католическому Западу в данную эпоху сдерживалось и проникновение на Русь естественно-научной книжности как проявления «католической ереси», — кроме достаточно краткого расцвета книжности в Новгороде Великом в XII в. (феномен Кирика Новгородца) (Сухарев, 2017, с. 123-124). С XIII до XVIII вв. нет сведений наличиио на Руси школьного образования; были «мастера грамоты», грамоте и счету для целей богослужения часто учили при храмах.

В XVIII в. естественно-научные представления были насильственно привиты русской элите в процессе мобилизационной модернизации реформами Петра Великого — ввиду необходимости

[14] Мы рассматриваем «русского» коллективного субъекта по признаку государствообразующей в России русской культуры.

[15] По-видимому, это был первый этап активной «борьбы с остатками язычества на Руси». Значимый второй этап этой борьбы можно видеть в движении «боголюбцев» в XVII в. в преддверии Раскола Церкви в период правления царя Алексея Михайловича.

[16] Например, в ярлыке хана Менгу-Темира митрополиту Кириллу II (ок. 1266-1267 гг.) указывается: «Кто веру их (русских) похулит или ругается, то ничем не извинится и умрет злою смертью» и др. (Макарий, 1995).

[17] Следует заметить, что, как показывают современные исследования, именно «церковной вере» урон нанесен не был. В частности, помимо экономической и морально-политической поддержкой христианства ордынцами, на Руси строились новые храмы,— наибольшее число православных храмов было построено во время ордынского нашествия (Сухоруков, 2015, с. 175).

Comparative psychological analysis of the development and state of mentality in Japan, Germany, China and Russia (USSR) by the middle of the 20th century. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No1(14), Pp.25-36. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_04

спасения России от шведской экспансии Карла XII (Тарле, 1958). Благодаря оттеснению духовенства от руководства образованием (борьба царя Петра и Феофана Прокоповича с папоцезаризмом) была также осуществлена реформа образования, что имело стратегически конструктивный смысл.

«Ротацией кадров», произошедшей после 1917 г., благодаря которой в высшие социальные слои влились ментально более близкие к архаике представители беспоповско-старообрядческой «рабочей оппозиции»[18], в России был обусловлен социально-индустриальный подъем (Пыжиков, 2013, 2015; Сухарев, 2017). Ментальность классически образованной русской элиты после октябрьского переворота была дополнена относительно сохранившимися в крестьянских низах архаическими компонентами. Незначительный период включения природно-анимистического компонента в ментальность высших слоев советского общества, согласно нашей концепции и обеспечил мощный, но краткий расцвет естественнонаучного знания и технологий в СССР (Сухарев, 2017, с. 303-322).

Результаты эмпирического исследования

На Рис. 1 приведены гистограммы, иллюстрирующие сравнение интернет-запросов «Природа», «Бог» и «Знание» у коллективных субъектов России, Германии, Японии и Китая с 2004 по 2024 гг. (общее время работы веб инструмента GoogleTrends). Относительно наиболее выраженное количество интернет запросов «Знание» у китайского субъекта свидетельствует о высокой степени синтеза хаоса и космоса, связанной с относительно высоким уровнем его психологической зрелости (Сухарев, 2024а). Относительно более выраженное количество интернет запросов «Природа» у российского субъекта свидетельствует о самой низкой степени синтеза хаоса и космоса, и относительно низком уровне его психологической зрелости. У Германии и Японии ведущим является интернет-запрос «Бог», они характеризуются средней степенью синтеза хаоса и космоса и средним уровнем психологической зрелости.

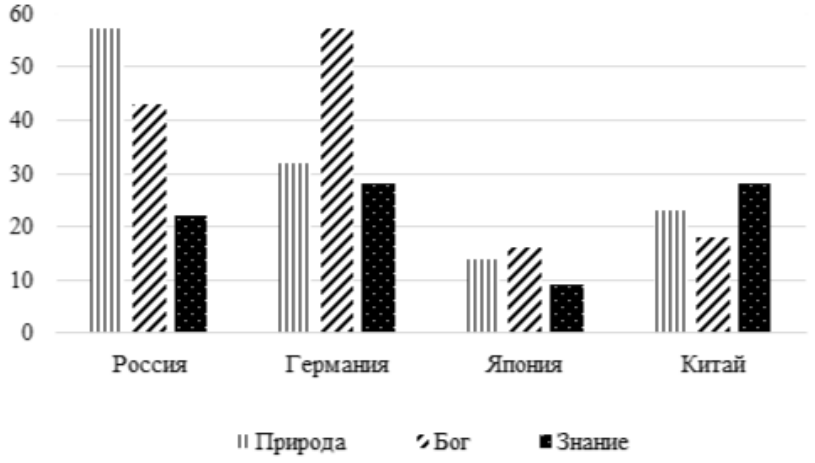

Рис. 1. Структура ментальности коллективных субъектов России, Германии, Японии и Китая с 2004 по 2024 гг.

В проведенном исследовании было показано, что ментальность китайского коллективного субъекта характеризуется наибольшей степенью этнофункционального синтеза хаоса и космоса и минимальными искажениями развития и высокий уровень психологической зрелости. В силу философской обобщенности нашего подхода это проявляется в психологических показателях креативности его правящих элит, а также непсихологических социально-экономических и политико-экономических показателях. Китай обладает наивысшим психологическим адаптационным потенциалом развития в современном мире (Сухарев, 2023, 2024 а, б). Во Второй мировой войне Китай проявил себя как гуманистически направленный коллективный субъект, ведущий справедливую отечественную войну.

Германия и Япония обнаружили среднюю степень этнофункционального синтеза хаоса и кос-

[18] По мысли А.В. Пыжикова, «рабочую оппозицию», на которую опирался в политической борьбе И.В. Сталин, преимущественно представляли дети крестьян-беспоповцев, мигрировавших в индустриальные города (Пыжиков, 2015).

моса. При этом в развитии данных коллективных субъектов выявлены существенные искажения на ступенях архаики (акцентирование героизма как относительно поздней ступени развития мифа по А.Ф. Лосеву) и премодерна и, соответственно, относительно низкий уровень психологической зрелости. Для этих субъектов к середине XX в. была характерна незрелая агрессивная, шовинистическая направленность.

Для России была выявлена низкая степень этнофункционального синтеза хаоса и космоса. В исторической ретроспективе в ментальности русского коллективного субъекта было выявлено относительно более выраженное подавление компонента архаики среди властных слоев общества (с XIV в.) и соответствующее искажение развития. Однако после октябрьского переворота 1917 г. архаический компонент в результате ротации кадров правящей элиты (включением в нее социальных низов, прежде всего носителей этноинтегрирующей архаики — крестьян-беспоповцев) русская ментальность на недолгое время обрела относительную этноинтегрирующую целостность, и указанное искажение было временно преодолено (Пыжиков, 2013, 2015). Вследствие этого стал возможным общий индустриально-экономический подъем и рост общего патриотизма, основанного на идеях справедливого распределения благ. Этим была обусловлена относительно высокая степень интеграции и повышение энергетического (адаптационного) потенциала субъекта русской ментальности к середине XX в. (Сухарев, 2017).

Эмпирическое исследование (Рис. 1) также подтвердило относительно высокий уровень психологической зрелости у современного Китая, средний уровень у Германии и Японии и самый низкий уровень у России. Анализ интернет-запросов по темам «Природа» (архаика), «Бог» (премодерн) и «Знание» (модерн) выявил их наибольшую степень синтеза в ментальности Китая, меньшую в ментальности Германии и Японии и наименьшую в ментальности России.

Заключение

В итоге проведенного исследования можно предположить, что высокая степень синтеза в ментальности коллективного субъекта этноинтегрирующих компонентов архаики, надэтнически-религиозных и естественно-научных представлений модерна является условием его всестороннего развития и относительно более адекватного поведения в широком смысле (Китай во второй половине XX в.). И напротив, искажения этнофункционального развития по показателям искусственного подавления, трансформации или искусственной пропаганды его компонентов (особенно архаических (героизм) и надэтнически-религиозных) может приводить к таким проявлениям как агрессивность, шовинизм и т.п. (Германия и Япония в середине XX в.) В свою очередь, подавление энергизирующего архаического компонента может обусловливать существенный спад социально-экономического развития, кризис госуправления и др. (Россия во второй половине в XX в.). При

Литература:

1. Багаева О.В. Синто-буддийский синкретизм // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. История и археология. 2004. № 8. С. 35-47.
2. Вернисоцкая Е.В. Феномен синто // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. История и археология. 2002. № S. С. 18-33.
3. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества Древней Руси. Т. 1. М.: Индрик, 2000. С. 117.
4. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914.
5. Исаков П.С. Государственно-конфессиональные отношения в третьем рейхе // Studia Humanitatis. 2017. № 1. URL: www.st-hum.ru. (дата обращения 21.01.2025 г.).
6. Какие факторы помогали агрессивной политике Германии, Италии и Японии. 2025. URL: https://lifejapan.ru/qa/view/kakie-faktory-pomogali-agressivnoy-politike-germanii-italii-i-yaponii (дата обращения 08.02.2025 г.).
7. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327-365.
8. Китогава Дж. Религия в истории Японии. СПб.: «Наука» 2005.
9. Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: «Наука», 1985.
10. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Академический проект, 2022.

11. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957.
12. Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви: В 10 т. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. С. 199-201.
13. Маслов А.А. Китай: укрощение драконов. М: Алетейа, Новый Акрополь, 2006. С. 22.
14. Мещеряков А.Н. Упразднение тела: японский тоталитаризм и культ смерти // Отечественные записки. 2013. № 5. С. 157-174.
15. Мифология 3 рейха. 2012. URL: https://topwar.ru/19535-mifologiya-tretego-reyha-mif-nacionalnoy-religii.html
16. Молодяков В.Э. Мэйдзи исин: японская консервативная революция // Вопросы национализма. 2014. № 2 (18). С. 147-164.
17. Морозова Е.Б. Нацистский миф сквозь призму германо-скандинавской мифологии, 2011. № 4. С. 397-401.
18. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. СПб.: Ювента, 1996. С. 344-361.
19. Программа НСДАП.URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/25_пунктов
20. Прохоров Г.М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. С. 130-131.
21. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М.: Древлехранилище, 2013.
22. Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2015.
23. Светлов Г.Е. Традиционные верования Японии // Религии в XX веке: Локальные и синкретические культы. М.: Наука, 1991. С. 189-218.
24. Сидоров Д. Третий рейх против Иисуса Христа. 2023. URL: https://nuremberg.media/epoha/20201224/76698/Tretiy-reykh-protiv-Iisusa-Khrista.html.
25. Соколов С.В. Применение веб-аналитического инструментария Google Trends в социогуманитарных и библиотековедческих исследованиях // БИБЛИОСФЕРА. 2018. № 4. С. 3-9.
26. Ставропольский Ю.В. Буддизм в эпоху Токугава // Современная техника и технологии. 2016. № 10. URL: https://technology.snauka.ru/2016/10/10794 (дата обращения: 10.09.2024).
27. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
28. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
29. Сухарев А.В. Китайское «экономическое чудо»: опыт сравнительного психологического анализа // Пространство и Время. 2018. № 1-2 (31-32). С. 107-118. URL: 2226-7271provr_st1_2-31_32.2018.41. DOI 10.24411/2219-4525-2018-11041.
30. Сухарев А.В. Сравнительный анализ развития естественнонаучного компонента немецкой ментальности в конце XIX — начале XX вв. в контексте ведущих западноевропейских стран. Часть I // Электронный научный журнал «ГосРег». 2020 а. № 3. URL: https://lib.ipran.ru/public/paper/44412073
31. Сухарев А.В. Сравнительный анализ развития естественнонаучного компонента немецкой ментальности в конце XIX — начале XX вв. в контексте ведущих западноевропейских стран. Часть II // Электронный научный журнал «ГосРег». 2020 б. № 3. URL: https://lib.ipran.ru/paper/44412074
32. Сухарев А.В. Анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических характеристик стран мира с позиций концепции синтеза хаоса и космоса // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. № 1. С. 33-44. DOI:10.38098/proceedigs_2023_03_01_04
33. Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. 3-е и зд., перераб. и испр. М.: Институт русской политической культуры, 2024 а.
34. Сухарев А.В. Сравнительное исследование витальных показателей жизнеспособности коллективных субъектов стран мира с позиции концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2024 б. Т. 4. № 2. С. 40-59. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_02_05
35. Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 47-60. doi:10.17759/exppsy.2019120204
36. Сухоруков В.А. Русская православная церковь в период монголо-татарского завоевания // Вестник

Волгоградской академии МВД России. История и археология. 2015. С. 169-175.
37. Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.
38. Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Когито-Центр, 2007.
39. Храповицкая Г.Н. Природа в литературе и живописи немецкого романтизма // Теория и история культуры. 2008. № 1 (44). С. 208-218.
40. Японо-китайская война 1937-1945 гг. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Японо-китайская_война_(1937-1945)
41. Klaus A. Mythos und Ideologie im nationalsozielistischen Deutschland und im kaiserlichen Japan der fruhen Showa-Zeit // Referate des VII Deutschen Japanologentages in Hamburg. MO AG, Band 111. Herausgegeben von Hamburg: OAG Verlag, 1988. Pp. 38-51.
42. Rosenberg A. Das Parteiprogramm. Wesen, Grundsätze und Ziele der NSDAP. München, 1937.

COMPARATIVE PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT AND STATE OF MENTALITY IN JAPAN, GERMANY, CHINA AND RUSSIA (USSR) BY THE MIDDLE OF THE 20TH CENTURY

© Alexandr V. Sukharev
Doctor of Psychological Sciences, Professor Chief Researcher of the Laboratory of Socio-Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, zavor753@mail.ru

The study showed that a high degree of synthesis in the mentality of a collective subject of ethno-integrating components of archaic, supra-ethnic religious and natural-scientific ideas of modernity may cause its development on a wide range of psychological and non-psychological indicators (China since the middle of the 20th century). Conversely, distortions of ethno-functional development conditioned by artificial suppression, transformation, or artificial propaganda of its components (especially archaic and supra-ethnic religious ones) may lead to such manifestations as aggressiveness, chauvinism, etc. (Germany and Japan in the middle of the 20th century). In turn, the suppression of the energizing archaic component of the mentality of a collective subject may lead to a significant decline in socio-economic development, a crisis of public administration, etc. (Russia in the second half of the 20th century).

***Keywords**:* mentality of a collective subject, archaic, pre-modern, modern.

REFERENCES

1. Bagaeva O.V. (2004). Shinto-Buddhist syncretism // Bulletin of the Oriental Institute of the Far Eastern National University. History and Archaeology. № 8. Pp. 35-47.
2. Vernisotskaya E.V. (2002). The phenomenon of Shinto // Bulletin of the Oriental Institute of the Far Eastern National University. History and Archaeology. № S. Pp. 18-33.
3. Galkovsky N.M. (2000). The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Rus'. T. 1. Moscow: Indrik. Pp. 117.
4. Zhirmunsky V.M. (1914). German romanticism and modern mysticism. St. Petersburg.
5. Isakov P.S. (2017). State-confessional relations in the Third Reich // Studia Humanitatis. № 1. URL: www.st-hum.ru. (date of access 21.01.2025).
6. What factors helped the aggressive policy of Germany, Italy and Japan. 2025. URL: https://lifejapan.ru/qa/view/kakie-faktory-pomogali-agressivnoy-politike-germanii-italii-i-yaponii (date of access 08.02.2025).
7. Kareev N.I. (2017). General methodology of the humanities. Chapter 2. Logical prerequisites of any methodology // Sociological review. Vol. 16. № 3. Pp. 327-365.
8. Kitogawa J. (2005). Religion in the history of Japan. St. Petersburg: Nauka.
9. Lapina Z.G. (1985). The doctrine of state governance in medieval China. Moscow: Nauka.

10. Levy-Bruhl L. (2022). Primitive thinking. Moscow: Academichesky proekt.
11. Losev A.F. (1957). Ancient mythology in its historical development. Moscow: State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR.
12. Macarius (Bulgakov), Metropolitan. (1995). History of the Russian Church: In 10 volumes. Book 3. Moscow: Publishing house of the Spaso-Preobrazhensky Monastery. Pp. 199-201.
13. Maslov A.A. (2006). China: taming dragons. M: Aletheia, New Acropolis. Pp. 22.
14. Meshcheryakov A.N. (2013). Abolition of the Body: Japanese Totalitarianism and the Cult of Death // Otechestvennye zapiski. № 5. Pp. 157-174.
15. Mythology of the 3rd Reich. 2012. URL: https://topwar.ru/19535-mifologiya-tretego-reyha-mif-nacionalnoy-religii.html
16. Molodyakov V.E. (2014). Meiji Isin: Japanese Conservative Revolution // Questions of Nationalism. № 2(18). Pp. 147-164.
17. Morozova E.B. (2011). Nazi Myth through the Prism of German-Scandinavian Mythology. № 4. Pp. 397-401.
18. Odaynik V. (1996). Psychology of Politics. Political and Social Ideas of K.G. Jung. SPb.: Yuventa. Pp. 344-361.
19. NSDAP Program. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/25_punktov
20. Prokhorov G.M. (2010). Ancient Rus' as a Historical and Cultural Phenomenon. SPb.: Oleg Abyshko Publishing House. Pp. 130-131.
21. Pyzhikov A.V. (2013). Facets of the Russian Schism. Moscow: Drevlehranilische.
22. Pyzhikov A.V. (2015). Roots of Stalin's Bolshevism. Moscow: Arguments of the Week.
23. Svetlov G.E. (1991). Traditional Beliefs of Japan // Religions in the 20th Century: Local and Syncretic Cults. Moscow: Nauka. Pp. 189-218.
24. Sidorov D. (2023). The Third Reich against Jesus Christ. URL: https://nuremberg.media/epoha/20201224/76698/Tretiy-reykh-protiv-Iisusa-Khrista.html.
25. Sokolov S.V. (2018). Application of GoogleTrends Web Analytical Tools in Social, Humanitarian and Library Science Research // BIBLIOSPHERE. № 4. Pp. 3-9.
26. Stavropolsky Yu.V. (2016). Buddhism in the Tokugawa Era // Modern Technology and Engineering. № 10. URL: https://technology.snauka.ru/2016/10/10794 (date of access: 10.09.2024).
27. Sukharev A.V. (2008). Ethnofunctional paradigm in psychology. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
28. Sukharev A.V. (2017). Development of the Russian mentality. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
29. Sukharev A.V. (2018). Chinese "economic miracle": an experience of comparative psychological analysis // Space and Time. № 1-2(31-32). Pp. 107-118. URL: 2226-7271provr_st1_2-31_32.2018.41. DOI 10.24411/2219-4525-2018-11041.
30. Sukharev A.V. (2020 a). Comparative analysis of the development of the natural science component of the German mentality in the late 19th — early 20th centuries in the context of leading Western European countries. Part I // Electronic scientific journal "GosReg". № 3. URL: https://lib.ipran.ru/public/paper/44412073
31. Sukharev A.V. (2020 b). Comparative analysis of the development of the natural science component of the German mentality in the late 19th — early 20th centuries in the context of leading Western European countries. Part II // Electronic scientific journal "GosReg". № 3. URL: https://lib.ipran.ru/paper/44412074
32. Sukharev A.V. (2023). Analysis of the relationship between the socio-psychological and socio-economic characteristics of the countries of the world from the standpoint of the concept of the synthesis of chaos and cosmos // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 3. № 1. Pp. 33-44. DOI: 10.38098/proceedigs_2023_03_01_04
33. Sukharev A.V. (2024 a). Development of the subject: Logos, cosmos and chaos. 3rd and ed., revised and corrected. Moscow: Institute of Russian Political Culture.
34. Sukharev A.V. (2024 b). Comparative study of vital indicators of the viability of collective subjects of the countries of the world from the standpoint of the concept of ethnofunctional synthesis of chaos and cosmos // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 4. № 2. Pp. 40-59.DOI:10.38098/proceedings_2024_04_02_05
35. Sukharev A.V., Timokhin V.V., Vydrina E.A., Shaporeva A.A. (2019). The role of the values of the ethnic function of personality representations in changing the indicators of the level of intelligence // Experimental

Psychology. Vol. 12. № 2. Pp. 47-60. doi: 10.17759/exppsy.2019120204
36. Sukhorukov V.A. (2015). Russian Orthodox Church during the Mongol-Tatar conquest // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. History and Archeology. Pp. 169-175.
37. Tarle E.V. (1958). The Northern War and the Swedish invasion of Russia. Moscow: Sotsekgiz.
38. The phenomenon and category of maturity in psychology / Ed. E.A. Sergienko, A.L. Zhuravlev. Moscow: Kogito-Center, 2007.
39. Khrapovitskaya G.N. (2008). Nature in the Literature and Painting of German Romanticism // Theory and History of Culture. № 1(44). Pp. 208-218.
40. The Sino-Japanese War of 1937-1945. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Япишет_кита_вона_(1937-1945)
41. Klaus A. (1988). Mythos und Ideologie im nationalsozielistischen Deutschland und im kaiserlichen Japan der fruhen Showa-Zeit // Referate des VII Deutschen Japanologentages in Hamburg. MO AG, Band 111. Herausgegeben von Hamburg: OAG Verlag. Pp. 38-51.
42. Rosenberg A. (1937). Das Parteiprogramm. Wesen, Grundsätze und Ziele der NSDAP. München.